

Параша. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Параша. В. Г. Белинский

Теперь, когда Лермонтова уже нет, а прекрасное дарование г. Майкова пока не обещает идти дальше антологического рода, – поэзия русская если не умерла, то уснула, как это всегда с нею бывает, как скоро тот, кому дано свыше быть ее покровителем, или скончается во цвете лет, или изменит надеждам, которые подает о себе. Теперь стихи встречаются только в журналах; между ними попадаются и такие, в которых есть чувство и заметно большее или меньшее дарование; но они все лишены присутствия могучей мысли. А так как поэзия русская давно уже пережила свой период прекрасных чувств и сладостных мечтаний, и еще с Пушкина начала период мысли, – то теперь проходят мимо внимания публики такие стихотворения, которыми прежде легко было бы в один день стяжать славу великого гения. Другими словами: могучим властителем душ нашего времени уже перестали быть «стишки» – в потребности публики их сменила поэзия мысли. Это особенно стало заметно после Лермонтова. Вот почему, если теперь и нельзя пожаловаться на бедность в стихотворных произведениях, то нельзя и сказать, чтоб было что читать по этой части. День появления в журнале неизвестного стихотворения Лермонтова – теперь эпоха в истории русской литературы: стихотворение читают, перечитывают, списывают, вытверживают на память. Стихотворения, не принадлежащие Лермонтову, тоже прочитывают, даже похваляют, но с тем, чтоб совершенно забыть их по выходе новой книжки журнала. Многие заключают из этого, что вместе с Лермонтовым умерла и русская поэзия. Что касается до нас, мы не разделяем этого мнения и думаем, что русская поэзия не умерла, а только уснула, по обыкновению, и что по временам она будет просыпаться и рассказывать нам свои прекрасные сны – до тех пор, пока не явится на Руси новый поэт...

Небольшая книжка, на-днях появившаяся в Петербурге под скромным названием «рассказа в стихах», есть именно один из таких прекрасных снов на минуту проснувшейся русской поэзии, какие давно уже не виделись ей. Уверенные в глубоком сне нашей поэзии, мы взяли за «Парашу» с явным предубеждением, думая найти в ней – или сентиментальную повесть о том, как он любил ее, и как она вышла замуж за него, или какую-нибудь юмористическую болтовню о современных нравах, написанную прозаическими стихами. Каково же было наше удивление, когда вместо этого прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутреннего содержания, отличающуюся юмором и ирониею!.. Однакож, несмотря на то, уверенность наша в тяжелом сне русской поэзии была так велика, что мы не поверили первому впечатлению и прочли снова, – еще лучше! И теперь, когда, от многократно повторенного чтения, мы почти знаем наизусть прекрасное поэтическое произведение, так неожиданно, так отраднo освежившее душу нашу от прозы и скуки ежeднeвного быта, – спешим познакомиться публику с явлением, которое имеет полное право на ее внимание.

Хотя автор «Параши», скрывший свою фамилию под литерами Т. Л., и обозначил свое произведение скромным именем «рассказа в стихах», однако оно тем не менее – «поэма», в том смысле, какой усвоен Пушкиным произведениям такого рода. И так, мы будем называть «Парашу» поэмой: оно и короче, и гораздо справедливее, если вспомнить, что «Чернец», «Эдда», «Наталья Долгорукая», «Борский» и тому подобные стихотворные рассказы величались поэмами.[1] Содержание «Параши» в смысле «сюжета» до того просто и немногосложно, что его можно рассказать в двух словах: на уездной барышне женится помещик-сосед, – вот и все. Но это не содержание, а только канва содержания; само же содержание поэмы так полночи богато, что его нельзя передать во всей его жизни и во всей благоуханной свежести его поэзии, не заставляя самого поэта перерывать нашей прозаической речи своими поэтическими стихами.

Прежде всего мы должны обратить внимание читателей на эпитафию поэмы из Лермонтова:

И ненавидим мы и любим мы случайно.[2]

Этот эпитафию выбран автором не в исполнение давно заведенного обычая заманивать любопытство читателей загадочным смыслом чужой речи; нет, стих Лермонтова, как мы увидим, находится в живой связи со смыслом целой поэмы и столько служит объяснением поэме, сколько и сам объясняется ею.

Параша. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Поэма начинается описанием помещичьего дома с безобразною наружностью, с садом, похожим на огород, но с гротом, который любила посещать героиня поэмы.

Ее отец – помещик беззаботный,
Сперва служил – и долго; наконец
В отставку вышел – и супругой плотной
Обзавелся; теперь большой делец!
Живет в ладу с своими мужичками...
Он очень добр и очень плутоват,
Торгуется и пьет чаёк с купцами.
Как водится, его супруга – клад;
О, сущий клад! и умница такая!
А женщина она была простая
С лицом, весьма похожим на пирог;
Ее супруг любил как только мог.
Дочери этой достойной четы никто не назвал бы красавицею, но она была стройна,
походка ее была легка и плавна, прекрасная нога ловко обута, и если рука была
немного велика, зато пальцы были прозрачны и тонки.

Ее лицо мне нравилось... оно
Задумчивую грустию дышало;
Всегда казалось мне: ей суждено
Страданий в жизни испытать не мало...
И что ж? мне было больно и смешно:
Ведь в наши дни спасительно страданье...
Но глаза больше всего в Параше нравились автору –

Взгляд этих глаз был мягок и могуч,
Но не блестел он блеском торопливым;
То был он ясен, как весенний луч,
То холодом проникнут горделивым,
То чуть блистал, как месяц из-за туч.
Но взгляд ее, задумчиво спокойный,
Я больше всех любил: я видел в нем
Возможность страсти горестной и знойной –
Залог души, любимой божеством.
Она была не без странностей, свойственных «уездным барышням»; но не имела ничего
общего с восторженными девицами, мечтательницами и охотницами до сладеньких
стишков:

Она была насмешлива, горда,
А гордость – добродетель, господа...
Здесь мы находимся в большом затруднении: поэт так увлекательно, так поэтически
описывает внутреннюю тревогу девственной души своей героини, что нам совестно
было бы пересказывать это нашу убогою прозою, а выписывать стихи – значит
переписать всю поэму... Но это так хорошо, что нет возможности не выписать.

. . . . Каждый день,
Я вам сказал – она в саду скиталась;
Она любила гордый шум и тень
Старинных лип – и тихо погружалась
В отрадную, забывчивую лень.
Так весело качались березы,
Облитые сверкающим лучом...
И по щекам ее катились слезы
Так медленно – бог ведает о чем.
То подойдя к убогому забору,
Она стояла по часам... и взору
Тогда давала волю... но глядит,
Бывало, все на бледный ряд раки.
Там, через ровный луг, от их села
Верстах в пяти, дорога шла большая;
И как змея свивалась и ползла,
И дальний лес украдкой обгибая,
Ее всю душу за собой влекла.
Озарена каким-то блеском дивным,
Земля чужая вдруг являлась ей...
И кто-то милый голосом призывным

Так чудно пел и говорил о ней.
Таинственной исполненные муки,
Над ней, звеня, носились эти звуки...
И вот, искал ее молящий взор
Других небес – высоких, пышных гор,
И тополей, и трепетных олив...
Искал земли пленительной и дальней...
Вдруг русской песни грустный перелив
Напомнит ей о родине печальной;
Она стоит, головку наклонив,
И над собой дивится – и с улыбкой
Себя бранит; и медленно домой
Пойдет вздохнув... то сломит прутик гибкой.
То бросит вдруг... рассеянной рукой
Достанет книжку – развернет, закроет,
Любимый шепчет стих... а сердце ноет,
Лицо бледнеет... в этот чудный час
Я, признаюсь, хотел бы встретить вас,
О, барышня моя!.. В тени густой
Широких лип стоите вы безмолвно;
Вздыхаете; над вашей головой
Склонилась ветвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На вас гляжу я: прелестью степною
Вы дышите – вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, как вечер пред грозой,
Как майская томительная ночь.
Кто получил от природы благодатную способность понимать поэзию как поэзию – не в
одних стихах, не в одних книгах, но и в жизни, и в природе, те согласятся с
нами, что в этом отрывке каждое слово так и дышит всею роскошью, всем обаянием
истинной поэзии.

Есть два рода поэзии: одна, как талант, происходит от раздражительности нерв и
живости воображения; она отличается тем блеском, яркостью красок, тою резкою
угловатостью форм, которые мечутся в глаза толпе и увлекают ее внимание. Чем
более, повидимому, заключает в себе такая поэзия, тем пустее она внутри самой
себя, ибо она вся в воображении и ничего общего с действительностью не имеет;
мысли ее похожи на громкие слова и звучные фразы, а картины ее похожи только до
тех пор, пока смотришь на них: отведите глаза, и в вашем воображении не
останется никакого образа, никакого созерцания, никакого представления. – Другая
поэзия, как талант, имеет своим источником глубокое чувство действительности,
сердечную симпатию ко всему живому, а потому ее чувства всегда истинны, ее мысли
всегда оригинальны, даже не будучи новыми, ибо они не пойманы извне и на лету, а
возникли и выросли в душе поэта. Произведения такой поэзии не бросаются в глаза,
но требуют, чтоб в них вглядывались, и только внимательному взору открывается во
всей глубине своей их простая, тихая и целомудренная красота. Печать
оригинальности составляет их неразлучную принадлежность; она есть следствие
способности схватывать сущность, а следовательно, и особенность каждого
предмета. И потому описание ее запечатлены достоверностью, так что, если б вы и
никогда не видывали описываемого предмета, вы тем не менее убеждены, что он
точно таков и другим быть не может. Разбираемая нами поэма может служить
образцом таких произведений. Вот вам картина неаполитанского лета:

Прежаркий день – но вовсе не такой,
Каких видал я на далеком юге:
Томительно глубокой синевой
Все небо пышет; как больной в недуге,
Земля горит и сохнет; под скалой
Сверкает море блеском нестерпимым –
И движется, и дышит, и молчит...
И все цвета под тем неутомимым, [3]
Могучим солнцем рдеют... дивный вид!
А вот, зарывшись весь в песок блестящий,
Рыбак лежит, и каждый проходящий
Любуется им с завистью – я сам
Им тоже любовался по часам.

В этих тринадцати стихах такая полная картина, что вам ничего не остается
ожидать к ее дополнению, хотя в то же время вы знаете, что тысячи других поэтов

Параша. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

могли бы ту же картину представить вам совсем иначе, совсем другими словами. Природа неистощима в своем разнообразии, и дело не в том, чтоб поэзия представляла ее в сколько можно обширных и сложных картинах, а в том, чтоб она умела схватить особенность каждого ее явления. Лето – везде лето: везде от него и жарко, и душно, и пыльно; но в Неаполе – свое лето, в России – свое. Первое вы сейчас видели; вот второе:

У нас не то, хоть и у нас не рад
Бываешь жару... точно, жар глубокий,
Гроза вдали сбирается, трещат
Кузнечики неистово в высокой
Сухой траве; в тени снопов лежат
Жнецы; носы разинули вороны;
Грибами [4] пахнет в роще; там и сям
Собаки лают; за водой студеной
Идет мужик с кувшином по кустам.
Тогда люблю ходить я в лес дубовый,
Сидеть в тени спокойной и суровой,
Иль иногда под скромным шалашом
Беседовать с разумным мужичком.

В такой-то день Параша встретила с охотившимся молодым человеком. Мы пропускаем большую часть прекрасно изложенных поэтом подробностей этой встречи. Скажем только, что охотник начал свой разговор с Парашею не восклицанием: «о, дева чудная!» или другою какою-нибудь пошлостью в этом роде, но адресовался к ней с очень простым вопросом: «умоляю вас, скажите, который теперь час?»; потом: «чей это дом?» а там объявил ей, что его покойный дед был очень дружен с ее отцом.

Портрет незнакомца превосходно очерчен автором. Это один из тех великих маленьких людей, которых теперь так много развелось и которые улыбкою презрения и насмешки прикрывают тощее сердце, праздный ум и посредственность своей натуры. Он был за границую и вынес оттуда множество бесплодных слов и сомнений... У некоторых журналов теперь вошло в манию нападать на таких путешественников, и они с торжеством указывают на них, как на живое доказательство, что нечего за добром ездить на Запад. Автор «Параша» думает об этом иначе, и, соглашаясь с ним, мы вдруг вспомнили сказку, некогда переведенную Жуковским, «Кабуд путешественник»... К особенностям героя поэмы принадлежит и то, что, будучи влюбчивым, он был спокоен и горделив, а потому и счастлив в женщинах, удачно обманывая и таких между ими, которых сам не стоил; еще: не будучи особенно умным, он вполне владел умом, дарованным ему от бога. Говоря о страсти своего героя сгибаться перед знатью, автор очень остроумно признается в том, что любит пустой блеск большого света, не увлекаясь им и смотря на него без желанья; он очень остроумно подшучивает над моральными выходками против большого света непризнанных, бесхвостых львов и львиц, то есть людей, которые бранят большой свет за то, что тот не хочет их знать. Люблю, говорит автор,

Люблю я пышных комнат стройный ряд,
И блеск, и прихоть роскоши старинной...
А женщины... люблю я этот взгляд
Рассеянный, насмешливый и длинный;
Люблю простой, обдуманый наряд...
Я этих губ люблю надменный очерк,
Задумчиво приподнятую бровь,
Душистые записки, быстрый почерк,
Душистую и быструю любовь;
Люблю я эту поступь, эти плечи,
Небрежные, заманчивые речи...
«Но (скажут мне) вне света никогда
Вы не встречали женщины прекрасной?»
Таких особ встречал я иногда
И даже в двух влюбился очень страстно;
Как полевой цветок, они всегда
Так милы – но, как он, свой легкий запах
Они теряют вдруг... и, боже мой,
Как не завянуть им в неловких лапах
Чиновника, довольного собой?

Эти стихи не обойдутся автору даром; его объявят за них «аристократом», скажут, что внешний блеск предпочитает он душе и сердцу, и т. п. По обыкновению, в этом

Параша. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

случае, ему припишут то, чего он и не думал, и горячо будут оспаривать его в том, чего он не говорил. Дело тут идет не о душе и сердце: поэт говорит совсем не о внутренней святине женщины, а о ее поэтической внешности, которую могут не дорожить только натуры сухие и грубые. Поэзия формы, изящество внешности, столь очаровательные в женщине, могут почесться исключительными явлениями вне большого света. Женщины других кругов общества смотрят на красоту и изящество, как на средство поскорее выйти замуж. Достигнув этой вожденной цели, они скоро перестают и петь, и плакать, и читать сладенькие стишки, и кокетливо наряжаться, и поэтически держать себя; они предаются прозе жизни, скоро полнеют, пристращаются к утреннему дезабилье, забывают музыку, луну, стихи, мечту и т. д. Оттого до замужества почти каждая из них – ангел доброты, дева чудная, неземная, идеальная, Полина или Надина, а после замужества – солидная дама с весом в обществе, женщина с характером, Палагея Петровна и Надежда Алексевна. Тут есть и другая причина. Юность сама по себе есть уже поэзия жизни, и в юности каждый бывает лучше, нежели в остальное время своей жизни; женщины в особенности. Надо иметь слишком много глубины и силы в натуре, чтоб не охолодеть в прозе жизни, сберечь чувство и душу от холода действительности и сохранить юность сердца и в лета зрелости и в годы старости. Но такие натуры слишком редки, и поэзия юности слишком редко бывает ручательством за поэзию дальнейших возрастов. Брак есть решительная эпоха в жизни мужчины и еще более в жизни женщины: для обоих это – гроб поэзии и колыбель пошлой прозы и очерствения души и чувства. Автор «Параши» превосходно охарактеризовал эпитетом «довольного собой» целый разряд людей, особенно страшных и гибельных для благоуханной поэзии женственных существ. Люди разделяются не только на умных и на дураков: те и другие равно редки, и между ними занимает место огромный разряд пошлых людей. Эти люди по большей части не умны и не глупы, иногда же между ними попадают люди не без ума и не без способностей; но главное их качество в том и другом случае – довольство самими собою. Эти господа не знают, что такое раскаяние, стремление к идеалу и тоска от невозможности достичь его, что такое горе без несчастья и страдание при хорошем положении дел и добром здравьи. Как бы ни была глубока и богата духовными дарами натура женщины, но если ее мужем сделается один из таких господ, ей остаются только две неизбежные дороги: или медленно зачахнуть, или помириться с жизнью, как она есть... Последнее всего чаще случается. В высших кругах общества при этом не исчезает поэзия внешности, и наряд остается навсегда обдуманно прост, взгляд рассеян, насмешлив и долог, и любовь душиста и быстра, как записки и почерк; но в средних кругах общества внешняя пошлость верно отражает внутреннюю, и милые полевые цветки быстро вянут в неловких лапах довольного собою чиновника.

На другой день в доме отца Параши ждут гостя. Старик надел фрак; дочь в тайном волнении; ее прическа так мила, а перчатки так свежи... Наконец гость является. Он говорит с стариками, очаровывает их; с Парашею ни слова; но все в нем дышало «сознанием внезапного сближения»,

И предаваясь дивной тишине,

Он наслаждался страстно и вполне.

Поэт даже заставляет его «пылать святым и чистым жаром» и уверяет, что он был любим... Предупреждая сомнение читателей, автор спрашивает их:

Скажите – ваша память мне поможет –

Как мне назвать ту страстную тоску,

Ту грустную, невольную тревогу,

Которая берет вас понемногу...

К чему нам лицемерить, о друзья!

Ее любовью называю я.

Наступает ночь; хозяин приглашает гостя погулять в саду и с своею супругою понемногу отстает от молодой четы. Душа Параши не совсем спокойна, а он не начинает разговора затем, что боится внезапных ощущений и чувствительных порывов, затем, что был смущен своим положением: он клялся в любви только тогда, когда не любил; начиная же чувствовать жар любовной лихорадки, он зарывал свою любовь, как клад. Жаль! прелестные читательницы, охотницы до сладеньких стишков и восторженных сцен, верно ожидали тут пламенного объяснения, при луне и звездах; но герой поэмы ужасный прозаик: если он и допускал возможность исключений, то в пошлость верил твердо и всегда, и редко ошибался, а о другом мире не имел никакого понятия... Что же касается до самого поэта, то чувствительные и восторженные читательницы наверно будут им еще менее довольны, нежели героем поэмы, и объявят его человеком без души и сердца, демоном, который не верит любви и презирает прекрасное и высокое... Предоставляем ему самому

защищаться против этого грозного суда и обратимся к прерванной нити рассказа.

Сказав, что герою поэмы в саду с уездною барышнею было едва ли отраднее, чем в аду, автор заставляет его постепенно таять и объявляет – влюбленным! Как и почему это случилось? Поэт удовлетворительно отвечает на эти вопросы:

Во-первых: ночь прекрасная была,
Ночь летняя, спокойная, немая:
Не светила луна, хоть и взошла;
Река, во тьме таинственно сверкая,
Текла вдали... Дорожка к ней вела:
А листья в тишине толпой незримой
Лепечут. Вот они сошли в овраг.
И словно их движением гонимый,
Пред ними расступался мягкий прах...
Противиться не мог он обаянью –
Он волю дал беспечному мечтанью,
И улыбался мирно, и вздыхал...
А свежий ветер в глаза их лобызал.
А во-вторых: Параша не молчит,
И не вздыхает с приторной ужимкой,
Но говорит, и просто говорит.
Она так мило движется – как дымкой
Прозрачной тенью трепетно облит
Ее высокий стан... он отдыхает;
Уж он и рад, что с ней они вдвоем, –
Заговорил, а сердце в ней пылает
Неведомым, томительным огнем.
Их запахом встречает куст незримый,
И, словно тоже страстию томимый,
Вдали, вдали – на рубеже степей,
Гремит, поет и плачет соловей.
И может быть, он начал понимать
Всю прелесть первых трепетных движений
Ее души – и стал в нем умирать [5]
Крикливый рой смешных предубеждений;
Но ей одной доступна благодать
Любви простой, и детской, и стыдливой...
Нет! о любви не думает она –
Но, как листок блестящий и стыдливый, [6]
Ее несет широкая волна...
Все в этот миг кругом ей улыбалось,
Над ней одной все небо наклонялось,
И, колыхаясь медленно, трава
Ей вслед шептала милые слова...
Уезжая домой, наш герой думал про себя: «Я рад соседям... Он человек богатый... дочь
у них одна и притом она мила». Думая так, он гнал от себя другие, неуместные
мечты, отголоски давно минувших дней... А что же Параша? Ей казалось, что все
прежнее, вся жизнь ее изменилась; во сне ей виделся он, а поэту слышится над
нею, спящую, какой-то насмешливый голос, который говорит:

«В теплый вечер, в ульях чистых
Зреют светлые соты;
В теплый вечер лип душистых
Раскрываются цветы;
И тогда [7] по ним слезами
Потечет прозрачный мед –
Вьется жадно над цветами
Пчел ликующий народ...
Наклоня сладострастно
Свой усталый стебелек,
Гостя милого напрасно
Ни один не ждет цветок.
Так и ты цвела стыдливо,
И в тебе, дитя мое,
Созревало прихотливо
Сердце страстное твое...
И теперь, в красе расцвета,

Обаяния полна,
Ты стоишь под солнцем лета
Одинока и пышна.
Так склонись же, стебель стройный;
Так раскройся ж, мой цветок;
Прилетел жених... достойный
В твой забытый уголок».

Однакож странно: почему эти прекрасные стихи так неожиданно сменяются таким прозаическим стихом – с достойным женихом?.. Не забывайте, что эти стихи прозвучал насмешливый голос... Чей же это голос? – Должно быть, сатаны; эта догадка тем основательнее, что сам поэт, вслед за тем, заставляет сатану «поникнуть угрюмою головой над любящей четою». Но не ожидайте сцены обольщения: наш поэт– писатель благонравный, а герой его поэмы не был дон-Хуаном – в этом уверяет нас сам автор:

Мой Виктор не был дон-Хуаном... – ей
Не предстояли грозные волненья.
«Тем лучше, – скажут мне, – разгул страстей
Опасен»... Точно; лучше, без сомненья,
Спокойно жить и приживать детей –
И не давать, особенно вначале,
Щекам пылать... склоняться голове...
А сердцу забиваться – и так дале.
Не правда ль? Общепринятой молве
Я покоряюсь молча... поздравляю
Парашу – и судьбе ее вручаю –
Подобной жизнью будет жить она:
А кажется, хохочет сатана.

Мой Виктор перестал любить давно...
В нем сызмала горели страсти скупю;
Но впрочем, тем же светом решено,
Что по любви жениться – даже глупо.
И вот в кого ей было суждено
Влюбиться... Что ж? он человек прекрасный,
И – как умеет – сам влюблен в нее;
Ее души задумчивой и страстной
Сбылись надежды все... сбылося всё,
Чему она дать имя не умела,
О чем молиться смела и не смела...
Сбылося всё... и оба влюблены...
Но все ж мне слышен хохот сатаны.
Да чему же обрадовался лукавый?.. Не готовится ли он измены, ревности,
кинжала, яда и других зол, которыми нарушается супружеское счастье?.. Ничего не
бывало! Вы правы, чувствительные и восторженные читательницы, говоря, что автор
«Параша» – человек прозаический и холодный... В самом деле, оставив сатану, он
вдруг извещает вас, что он долго был в отсутствии и лет через пять посетил
влюбленных. Четвертый год, как они были супругами, и Виктор как-то странно
потолстел; но ее встревожил приход поэта, напомнив ей о прежнем, и она даже
сгрустнула и поплакала;

Но грусть замужней женщины смешна.
Как ручеек извилистый, но плавный,
Катилась жизнь Прасковьи Николавны!
Муж ее любил. «Может быть, вы скажете, что он не стоил ее любви?» говорит поэт и
отвечает так: «кто знает!»

Но – боже! то ли думал я, когда,
Исполненный немного обожанья,
Ее душе я предрекал года
Святого, благодатного страданья!
С надеждами расставшись навсегда,
Свыкался я с суровым отчуждением;
Но в ней ласкал последнюю мечту
И на нее с таинственным волненьем
Глядел, как на любимую звезду...
И что ж? я был обманут так невинно,
Так просто, так естественно, так чинно,
Что в истине своих желаний я

Стал сомневаться, милые друзья.

И вот, что ей сулили ночи той,
Той летней ночи страстные мгновенья,
Когда с такой тревожной быстротой
В ее душе сменялись вдохновенья...
Прощай, Параша!.. Время на покой;
Перо к концу спешит нетерпеливо...
Что ж мне сказать о ней? Признаться вам –
Ее никто не назовет счастливой
Вполне... она вздыхает по часам,
И в памяти хранит как совершенство
Невинности нелепое блаженство!
Я скоро с ней расстался... и едва ль
Ее увижу вновь... ее мне жаль...

Если и теперь не для всех будет понятен хохот сатаны, то мы, право, не знаем, как и объяснить его... Этот сатана должен быть знаком русским читателям, потому что они встречались с ним и в «Онегине», и в «Горе от ума», и в «Ревизоре», и в повестях Гоголя, и в «Герое нашего времени», и вместе с ним смеялись или грустили над неточным и превратным употреблением разных ежедневно употребляемых слов. В «Параше» навлекло на себя насмешку беса слово «любовь» и неумение многих любить и умение их делать комедию из всякого чувства. Наши юноши и девы в любви всего менее думают о любви, но те и другие ищут в ней счастья, а счастье любви полагают в союзе с ним и с нею. Любовь, как всякое сильное чувство, как всякая глубокая страсть, есть сама себе цель; для любящихся она – долг, требующий служения и жертв, и, предаваясь чувству, они не отступают назад, что бы ни сулила им развязка их романа – счастливый ли союз, или терновый венец страдания и безвременную могилу... Но есть люди, которые очень уважают чувство, пока оно сулит им верное счастье и пока оно не требует от них ничего, кроме прекрасных слов и поэтических восторгов... И потому участь таких людей решает не страсть, не чувство, а теплая летняя ночь и одинокая прогулка, располагающие к неге, мечтательности и заставляющие расплываться душою и сердцем... И как же иначе? для страсти надо воспитаться, развиваться. А для этого надо возрасти в такой общественной сфере, в которой духовная жизнь через дыхание входит в человека, а не из книг узнается им... Только тогда из его страсти может выйти или серьезная повесть, или высокая драма, а не жалкая комедия, не карикатурная пародия для потехи сатаны...

Но, может быть, все это иным читателям покажется довольно темно, и они найдут очень серьезную развязку повести. В самом деле: влюбились и женились, оба молоды и с достатком, оба приличная партия друг другу; дай бог так всякому!.. И то правда! Таким читателям мы ничего не находимся ответить, и рецензенту остается только извиниться перед ними словами поэта:

Но вы добры, я слышал, и меня,
По глупости, простите, ради бога.

Другие, может быть, станут благоразумно рассуждать, что выйдь Параша вместо Виктора за человека с душою возвышенною, сердцем страстным и проч., – она не утратила бы благоухания души своей и в пошлом спокойствии не забыла бы жаркого волнения сердца и сладости страдания... Нет, если б она была выше своей судьбы, – не спокойствие, а страдание было бы делом ее, – хотели мы сказать, но, вспомнив, что предупредительный поэт лучше нас решил этот вопрос, мы ограничиваемся повторением его слов:

Мне жаль ее... быть может, если б рок
Ее повел другой – другой дорогой...
Но рок – так всеми принято – жесток,
А потому и поступает строго.

Выписанные нами места из поэмы достаточно говорят за дарование и мастерство автора. Стих обнаруживает необыкновенный поэтический талант; а верная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная из тайника русской жизни, изящная и тонкая ирония, под которою скрывается столько чувства, – все это показывает в авторе, кроме дара творчества, сына нашего времени, носящего в груди все скорби и вопросы его. Об оригинальности мы не говорим: она то же, что талант – по крайней мере без нее нет таланта. Многие найдут в поэме следы подражания Пушкину и особенно Лермонтову: это не удивительно, ибо живая историческая последовательность литературных явлений всегда смешивается толпою с холодной и бездушной подражательностью. Но люди мыслящие понимают, что быть под неизбежным влиянием великих мастеров родной литературы, проявляя в своих произведениях

Параша. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

упроченное ими литературе и обществу, и рабски подражать – совсем не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно развивающегося, второе – бесталанности. Можно подделаться под стих и под манеру писателя, но не под дух и натуру его, ибо можно целый век прожить с чужими словами и чужими манерами, но от собственного духа и собственной натуры отречься нельзя, каковы бы они ни были – велики или малы... В стихах Г. Т. Л. столько жизни и поэзии, в созерцании его столько истины и верности, что тут всякая мысль о подражательности нелепа. Вся поэма проникнута таким строгим единством мысли, тона, колорита, так выдержана, что обличает в авторе не только творческий талант, но и зрелость и силу таланта, умеющего владеть своим предметом. Вообще, нельзя не заметить, по случаю этой поэмы, какие великие успехи в последнее время сделали наша поэзия и наше общество: чтоб убедиться в этом, стоит только вспомнить о поэмах, являвшихся до «Цыган» Пушкина... Ирония и юмор, овладевшие современной поэзией, всего лучше доказывают ее огромный успех, ибо отсутствие иронии и юмора всегда обличает детское состояние литературы.

Для любителей мелких прицепок укажем на четыре неудачные стиха в «Параше». На стр. 7, строфа IV, стих: «Ее два брата умерли чахоткой» не клеится с целым и явно вставлен для рифмы. Кстати: рифма к нему «красоткой» нехороша, потому что слово «красотка» по-русски немного вульгарно. На стр. 23, строфа XXXI, в стихе «От толпы с презрением отчуждался», вероятно, есть опечатка, и его должно читать так: «Он от толпы с презреньем отчуждался». На стр. 29 последний стих XLII-й строфы странно неуместен («Читатель – я, признайтесь, я смешон»). На стр. 33-й третий стих прекрасной XLIX-й строфы испорчен неправильным ударением: «Не светила луна, хоть и взошла». – Больше не к чему придраться самому мелочному ловцу чужих ошибок и промахов.

Словно гармоническим аккордом оканчивается поэма последнею строфою, оставляя на душе глубокий след взволнованной думы:

А если кто рассказ небрежный мой
Прочтет – и, вдруг задумавшись невольно,
На миг один поникнет головой
И скажет мне спасибо: мне довольно...
Тому давно – стоял я над кормой,
И плыли мы вдоль города чужого;
Я был один на палубе... волна
Вздымала нас и опускала снова...
И вдруг мне кто-то машет из окна;
Кто он, когда и где мы с ним видались,
Не мог я вспомнить... быстро мы промчались –
Ему в ответ и я махнул рукой –
И город тихо скрылся за горой...

Дай бог, чтоб наша встреча с талантом автора «Параша» не была также случайна, но превратилась в знакомство продолжительное и прочное. Грустно было бы думать, что такой талант – не более, как вспышка юности, кипение молодой крови, а не признак призвания, и может обмануть возбужденные им ожидания и надежды, как обманула поэта героиня его поэмы...

Комментарии

«Параша» появилась в свет в апреле 1843 года. Тургенев вспоминал впоследствии, что в день своего отъезда из Петербурга в деревню он зашел к Белинскому, с которым познакомился в начале 1843 года, и, «не назвавшись, оставил его человеку один экземпляр» своей поэмы. Напечатанная в майской книжке «Отечественных записок» восторженная статья Белинского о «Параше» вызвала у автора поэмы большое смущение. «Я не мог поверить», – говорил впоследствии Тургенев.

Статья открывается рассуждением критика о состоянии русской поэзии после смерти Лермонтова. Пушкин и Лермонтов воспитали в русском читателе высокие требования к поэзии, он уже не довольствуется «стишками», а ищет в поэзии серьезного содержания.

Белинский рассматривает «Парашу» как произведение, принадлежащее к «поэзии мысли». Характерными особенностями таланта автора, по его мнению, являются «верная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная из тайника русской жизни, изящная и тонкая ирония»... «Параша» обнаруживает в авторе «сына нашего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его». Отмеченные черты дарования

Тургенева раскрылись впоследствии в его прозе, подтвердив тем самым проницательность эстетических суждений критика.

Пафос «Параша» – в осуждении пошлости русской жизни 40-х годов, безжалостно губящей прекрасные порывы молодости. Герой поэмы – ранний набросок образа из целой галереи «лишних людей» тургеневских повестей и романов. По литературной генеалогии он примыкает к своим более ранним предшественникам – Онегину и Печорину. В этой связи надо понимать и утверждение Белинского, что в поэме нетрудно найти «следы подражания Пушкину и особенно Лермонтову». Сама Параша являлась вариацией пушкинской Татьяны. Но мотивы, идущие от Пушкина, были осложнены воздействием поэзии Лермонтова. Поэме предшествует эпитафия из лермонтовской «Думы»: «И ненавидим мы и любим мы случайно». Эти строки сразу же погружают читателя «Параша» в атмосферу безысходной тоски и социального одиночества поколения 30-х годов, разъедаемого рефлексией и не способного ни на какое общественно полезное дело. «Умные ненужности», – так определил Герцен место этого поколения в русской жизни. Белинский отмечает, что стих Лермонтова «находится в живой связи со смыслом целой поэмы и столько служит объяснением поэме, сколько и сам объясняется ею».

Так устанавливается живая литературная преемственность «Параша», по основным своим мотивам восходящей к лермонтовской традиции. Видимо, этим и объясняется высокая оценка поэмы Белинским. Герой «Параша» – типический представитель своего поколения. «Это один из тех великих маленьких людей, которых теперь так много развелось и которые улыбкою презрения и насмешки прикрывают тощее сердце, праздный ум и посредственность своей натуры».

И после опубликования статьи Белинский в личных беседах и в переписке с близкими ему людьми продолжал высоко отзываться о «Параше». В письме к В. П. Боткину от 10–11 мая 1843 года Белинский писал: «Читал ли ты «Парашу»? – Это превосходное поэтическое создание» («Письма», т. II, стр. 369). 8 июля критик в письме к И. С. Тургеневу вновь делился своими впечатлениями от «Параша»: «Я еще раз десять прочел ее: чудесная вещь, вся насковзь пропитанная и поэзией (что очень хорошо), и умом (что еще лучше, особенно вместе с поэзией). Боткину она очень нравится, потому что Боткин умный человек, а другим она нравится вполнину или потому, что другие видят в ней эпитаграмму на себя, или потому, что они в поэзии ищут вздора (т. е. прекрасных чувств), а не дела (т. е. $2 \times 2 = 4$)» (там же, стр. 373).

В обзоре «Русская литература за 1843 год» Белинский вновь упомянет о «Параше» как о «счастливом опыте» в жанре поэмы (см. т. II наст. изд.). В заключение обзора, оценивая новые произведения 1843 года, критик выделит «Парашу»:

«Из новых произведений, появившихся в прошлом году можно указать только на небольшую поэму «Параша», которая по необыкновенно тумному содержанию и прекрасным, поэтическим стихам была бы замечательным явлением и не в такое бедное для литературы время, как наше».

Примечания

1 «Чернец. Киевская повесть» (1824) – И. Козлова. «Эдда» (1820) – первая так называемая «финляндская повесть» Е. Баратынского. «Наталья Долгорукая» – полное название: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1828) – поэма И. Козлова. «Борский» (1829) – поэма А. Подолинского.

2 Строка из стихотворения Лермонтова «Дума» (1838).

3 У Тургенева: «неумолимым».

4 У Тургенева: «грибами».

5 У Тургенева: «утихать».

6 У Тургенева: «счастливый».

7 У Тургенева: «И когда».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Параша. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!